БЫЛИНЫ

В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

НАУКА
1727

УДК 398.22
ББК 82.3(2Рос=Рус)6
Б95

Автор идеи и руководитель проекта
Член-корреспондент Российской академии художеств
Н. Н. ФЕДОСЕЕНКОВ

Дизайн и оформление
П. Э. ПАЛЕЙ

Редактор
Л. Н. ЛАРИОНОВА

Былины в иллюстрациях русских художников. — М.: Наука, 2024. — 299 с.

ISBN 978-5-02-040266-9

Книга представляет собой иллюстрированное издание былин — народных эпических песен о русских богатырях — и включает как их переложения в прозе, выполненные известным фольклористом И. Карнауховой и впервые опубликованные в послевоенном 1949 г. с иллюстрациями Н. Кочергина, ставшие популярными и многократно переиздававшиеся впоследствии, так и оригинальные песенные тексты, публикующиеся по фундаментальному продолжающемуся изданию «Свод русского фольклора», серия «Былины», подготовленному по архивным материалам Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Былинный эпос издавна вдохновлял художников на создание эпических полотен и отдельных образов могучих русских богатырей, ведь в нем содержится огромный пласт древних верований, мифологических образов, а также исторических личностей и событий, описание древнерусского повседневного быта и социального устройства. Именно в русском эпосе с его сильным и искренним национальным чувством формировались на протяжении веков представления о добре и зле, о правде и силе, о чести и долге, выстраивая в слушателях и читателях нравственные ориентиры. Перед читателями откроется целый мир былинных героев, их жизни, подвигов и приключений: древний богатырь-великан Святогор, богатырь-чародей Вольга, богатырь-пахарь Микула Селянинович, любимые в народе Добрыня Никитич, Алеша Попович и Илья Муромец, а еще Данило Игнатьевич и его сын юный богатырь Данило, народный певец и гусляр, купец новгородский Садко, Михайло Козаринов, Ставр Годинович и его жена, хитроумная Василиса Микулишна, каждый со своей историей и характером. А более ста уникальных иллюстраций таких художников, как Н. Васнецов, М. Врубель, А. Рябушкин, Н. Рерих, И. Билибин и Н. Воробьев, обращавшихся в своем творчестве к былинам, дополнят и оживят былинные сюжеты и образы. В книгу также вошли статьи о былинах в русском искусстве и о поэтике былин, биографии художников и «Словарь устаревших и малоупотребительных слов».

Книга адресована самому широкому кругу читателей, интересующихся истоками и основами русской культуры.

Выражаем благодарность семье Николая Александровича Воробьева за помощь при подготовке издания.

ISBN 978-5-02-040266-9

© ФГБУ Издательство «Наука»,
редакционно-издательское оформление, 2024
© Н. Н. Федосеенков, предисловие, 2024
© И. В. Карнаухова, наследники, текст, 2024
© Н. М. Кочергин, наследники, иллюстрации, 2024
© Т. В. Ильина, статья, биографии художников, 2024
© М. В. Рейли, статья, словарь, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

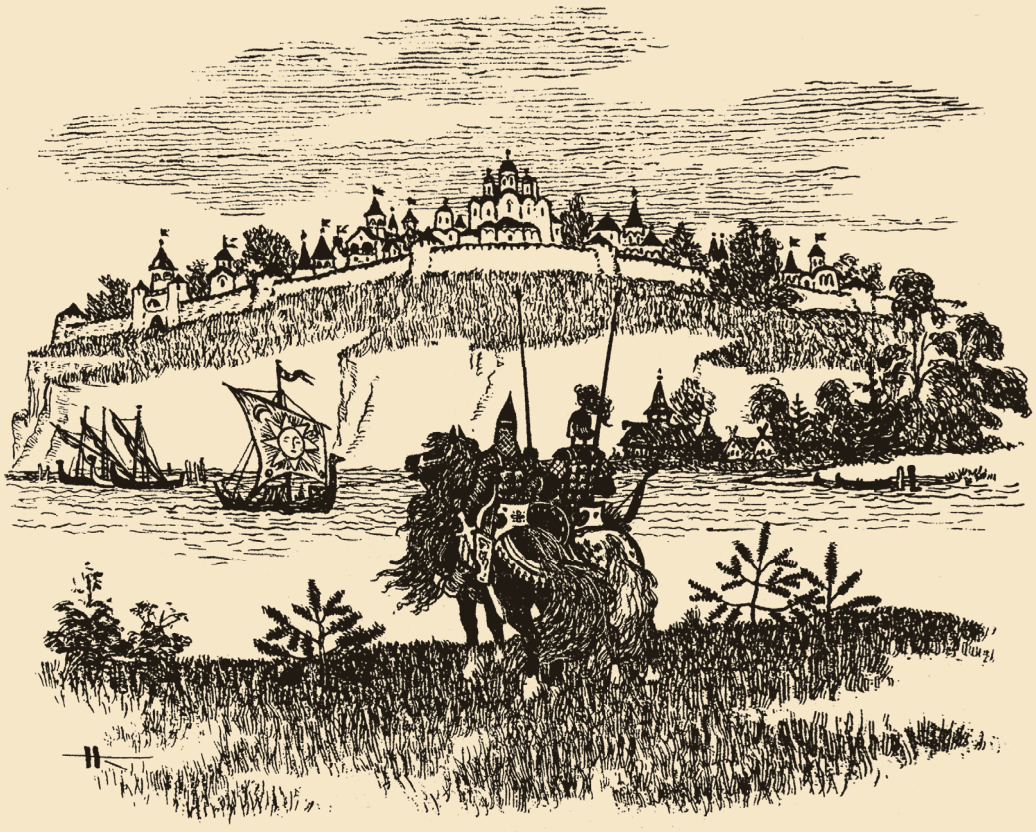
Н. Н. Федосеенков. Великое наследие русского народного эпоса ... 3
Русские богатыри. Былины. *В пересказах И. Карнауховой. С иллюстрациями Н. Кочергина* ... 5

«А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!..» ... 6
Вольга Всеславьевич ... 8
Микула Селянинович ... 13
Святогор-богатырь ... 18
Алеша Попович и Тугарин Змеевич ... 23
Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча ... 30
Добрыня Никитич в отъезде ... 40
Как Илья из Мурома богатырем стал ... 46
Первый бой Ильи Муромца ... 50
Илья Муромец и Соловей-разбойник ... 53
Как Илья от Святогора меч получил ... 60
Илья избавляет Царьград от Идолища ... 64
На заставе богатырской ... 68
Три поездки Ильи Муромца ... 71
Как Илья поссорился с князем Владимиром ... 75
Илья Муромец и Калин-царь ... 79
Про прекрасную Василису Микулишну ... 85
Соловей Будимирович ... 92
Садко в подводном царстве ... 99
Как Михайло Казаринов от татарского плена девушку спас ... 107
Старик Данило и молодой Михайло ... 112
О князе Романе и двух королевичах ... 116

Народные эпические песни о русских богатырях. *(Сост. М. В. Рейли). С иллюстрациями Н. Васнецова, М. Врубеля, А. Рябушкина, Н. Рериха, И. Билибина, Н. Воробьева* ... 121

Волхв Всеславгович ... 122
Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович ... 130
Святогор и тяга земная ... 141
Как Илья от Святогора меч получил ... 143
Про Алешу Поповича ... 151
Добрыня и Змей ... 160
Добрыня в отъезде ... 170
Исцеление Ильи Муромца ... 178
Илья Муромец и Соловей-разбойник ... 190
Илья Муромец и Идолище ... 196
Илья Муромец и Калин-царь ... 202
Бунт Ильи Муромца против князя Владимира ... 210
Последняя поездка Ильи Муромца ... 214
Ставр Годинович и Василиса Микулишна ... 220
Садко ... 226
Козарин ... 231
Михайло Данилович ... 234

Т. В. Ильина. Былины в произведениях русских художников ... 242
Биографии художников. *Сост. Т. В. Ильина* ... 258
М. В. Рейли. Былины и былинные герои ... 264
Словарь устаревших и малоупотребительных слов и выражений, имен и географических названий. *Сост. М. В. Рейли* ... 282

А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!
Не скакать врагам по нашей земле!
Не топтать их коням землю Русскую!
Не затмить им солнце наше красное!
Век стоит Русь — не шатается.
И века простоит — не шело́хнется!

На высоких холмах стоит Киев-город.

В старину опоясывал его земляной вал, окружали рвы.

С зеленых холмов киевских далеко было видно. Видны были пригороды и многолюдные села, тучные земли пахотные, синяя лента Днепра, золотые пески на левом берегу, сосновые рощи...

Пахали под Киевом землю пахари. По берегам реки строили умелые корабельщики легкие ладьи, долбили челны дубовые. В лугах и по заводям пасли пастухи круторогий скот.

За пригородами и селами тянулись леса дремучие. Бродили по ним охотники, добывали медведей, волков, туров — быков рогатых, и мелкого зверя видимо-невидимо.

А за лесами раскинулись степи без конца и края. Шло из этих степей на Русь много горюшка. Налетали из них на русские села кочевники — жгли и грабили, уводили русских людей в полóн.

Чтобы беречь от них землю Русскую, разбросались по краю степи заставы богатырские, маленькие крепости. Оберегали они путь на Киев, защищали от врагов, от чужих людей.

А по степям без устали разъезжали богатыри на могучих конях, зорко всматривались в даль: не видать ли вражеских костров, не слыхать ли топота чужих коней.

Дни и месяцы, годы, десятилетия оберегал землю родную Илья Муромец, ни дома себе не построил, ни семьи не завел. И Добрыня, и Алеша, и Дунай Иванович — всё в степи да в чистом поле, правили службу воинскую. Изредка собирались они к князю Владимиру на двор — отдохнуть, попировать, гусляров послушать, друг о друге узнать.

Коль тревожно время, нужны богатыри-воины, с честью встречает их Владимир-князь с княгиней Апраксией. Для них печи топятся, в гридне — гостиной горнице — для них столы ломятся от пирогов, калачей, жареных лебедей, от вина, браги, меду сладкого. Для них на лавках барсовы шкуры лежат, медвежьи на стенах развешаны.

Но есть у князя Владимира и погреба глубокие, и замки железные, и клети каменные. Чуть что не по нем — не вспомнит князь о ратных подвигах, не посмотрит на честь богатырскую...

Зато в черных избах по всей Руси простой народ богатырей любит, славит и чествует. Ржаным хлебом с ними делится, в красный угол сажает и поет песни про славные подвиги — о том, как берегут, защищают богатыри родную Русь!

Слава, слава и в наши дни богатырям — защитникам Родины!

Высока высота поднебесная,
Глубока глубина океан-моря,
Широко раздолье по всей земле.
Глубоки омуты Днепровские,
Высоки горы Сорочинские,
Темны леса Брянские,
Черны грязи Смоленские,
Быстры-светлы реки русские.

А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!

Вольга Всеславьевич

Закатилось красное солнышко за горы высокие, рассыпались по небу частые звездочки, родился в ту пору на матушке-Руси молодой богатырь — Вольга Всеславьевич. Запеленала его мать в красные пеленки, завязала золотыми поясами, положила в резную колыбель, стала над ним песни петь.

Только час проспал Вольга, проснулся, потянулся — лопнули золотые пояса, разорвались красные пеленки, у резной колыбели днище выпало.

А Вольга на ноги стал да и говорит матери:

— Сударыня матушка, не пеленай ты меня, не свивай ты меня, а одень меня в латы крепкие, в шлем позолоченный да дай мне в правую руку па́лицу, да чтобы весом была палица в сто пудов.

Испугалась мать, а Вольга растет не по дням, не по часам, а по минуточкам.

Вот подрос Вольга до пяти годов. Другие ребята в такие годы только в чурочки играют, а Вольга научился уже грамоте: писать и считать, и книги читать. Как исполнилось ему шесть лет, пошел он по земле гулять. От его шагов земля заколебалась. Услыхали звери и птицы его

богатырскую поступь, испугались, попрятались. Туры-олени в горы убежали, соболя-куницы в норы залегли, мелкие звери в чащу забились, спрятались рыбы в глубокие места.

Стал Вольга Всеславьевич обучаться всяким хитростям.

Научился он соколом по небу летать, научился серым волком обертываться, оленем по горам скакать.

Вот исполнилось Вольге пятнадцать лет. Стал он собирать себе товарищей. Набрал дружину в двадцать девять человек — сам Вольга в дружине тридцатый. Всем молодцам по пятнадцати лет, все могучие богатыри. У них кони быстрые, стрелы меткие, мечи острые.

Собрал свою дружину Вольга и поехал с ней в чистое поле, в широкую степь.

Не скрипят за ними возы с поклажей, не везут за ними ни постелей пуховых, ни одеял меховых, не бегут за ними слуги, стольники, поварники...

Для них периной — сухая земля, подушкой — седло черкасское, еды в степи, в лесах много — был бы стрел запас да кремень и огниво.

Вот раскинули молодцы в степи стан, развели костры, накормили коней. Посылает Вольга младших дружинников в дремучие леса:

— Берите вы сети шелко́вые, ставьте их в темном лесу по самой земле и ловите куниц, лисиц, черных соболей, будем дружине шубы запасать.

Разбрелись дружинники по лесам. Ждет их Вольга день, ждет другой, третий день к вечеру клонится. Тут приехали дружинники невеселы: о корни ноги сбили, о колючки платье оборвали, а вернулись в стан с пустыми руками. Не попалась им в сети ни одна зверушка.

Рассмеялся Вольга:

— Эх вы, охотнички! Возвращайтесь в лес, становитесь к сетям да смотрите, молодцы, в оба.

Ударился Вольга оземь, обернулся серым волком, побежал в леса. Выгнал он зверя из нор, дупел, из валежника, погнал в сети и лисиц, и куниц, и соболей. Он и мелким зверьком не побрезговал, наловил к ужину серых заюшек.

Воротились дружинники с богатой добычей.

Накормил-напоил дружину Вольга, да еще и обул, одел. Носят дружинники дорогие шубы соболиные, на перемену у них есть и шубы барсовые. Не нахвалятся Вольгой, не налюбуются.

Вот время идет да идет, посылает Вольга средних дружинников:

— Наставьте вы силков в лесу на высоких дубах, наловите гусей, лебедей, серых уточек.

Рассыпались богатыри по лесу, наставили силков, думали с богатой добычей домой прийти, а не поймали даже серого воробья.

Вернулись они в стан невеселы, ниже плеч буйны головы повесили. От Вольги глаза прячут, отворачиваются.

А Вольга над ними посмеивается:

— Что без добычи вернулись, охотнички? Ну ладно, будет вам чем попировать. Идите к силкам да смотрите зорко.

Ударился Вольга оземь, взлетел белым соколом, поднялся высоко под самое облако, грянул вниз на всякую птицу поднебесную. Бьет он гусей, лебедей, серых уточек, только пух от них летит, словно снегом землю кроет. Кого сам не побил, того в силки загнал.

Воротилися богатыри в стан с богатой добычей. Развели костры, напекли дичины, запивают дичину ключевой водой, Вольгу похваливают.

Много ли, мало ли времени прошло, посылает снова Вольга своих дружинников:

— Стройте вы лодки дубовые, вейте невода шелковые, поплавки берите чистого золота, выезжайте вы в синее море, ловите семгу, белугу, севрюжину.

Ловили дружинники десять дней, а не поймали и мелкого ершика. Обернулся Вольга зубастой щукой, нырнул в море, выгнал рыбу из глубоких ям, загнал в невода шелковые. Привезли молодцы полные лодки и семги, и белуги, и усатых сомов.

Гуляют дружинники по чистому полю, ведут богатырские игры, стрелы мечут, на конях скачут, силой богатырской меряются...

Вдруг услышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович на Русь войной собирается. Разгорелось его молодецкое сердце, созвал он дружинников и говорит:

— Полно вам бока пролеживать, полно силу нагуливать, пришла пора послужить родной земле, защитить Русь от Салтана Бекетовича. Кто из вас в турецкий стан проберется, Салтановы помыслы узнает?

Молчат молодцы, друг за друга прячутся: старший — за среднего, средний — за младшего, а младший и рот закрыл.

Рассердился Вольга:

— Видно, надо мне самому идти!

Обернулся он туром — золотые рога. Первый раз скакнул — версту проскочил, второй раз скакнул — только его и видели.

Доскакал Вольга до турецкого царства, обернулся серым воробушком, сел на окно к царю Салтану и слушает. А Салтан по горнице похаживает, узорчатой плеткой пощелкивает и говорит своей жене Азвяковне:

— Я задумал идти войной на Русь. Завоюю девять городов, сам сяду князем в Киеве, девять городов раздам девяти сыновьям, тебе подарю соболий шушун.

А царица Азвяковна невесело глядит:

— Ах, царь Салтан, нынче мне плохой сон виделся: будто бился в поле черный ворон с белым соколом. Белый сокол черного ворона закогтил, перья на ветер выпустил. Белый сокол — это русский бо-

гатырь Вольга Всеславьевич, черный ворон — ты, Салтан Бекетович. Не ходи ты на Русь. Не взять тебе девяти городов, не княжить в Киеве.

Рассердился царь Салтан, ударил царицу плеткою:

— Не боюсь я русских богатырей, буду я княжить в Киеве.

Тут Вольга слетел вниз воробушком, обернулся горностаюшкой. У него тело узкое, зубы острые. Побежал горностай по царскому двору, пробрался в глубокие подвалы царские. Там у луков тугих тетиву пооткусывал, у стрел древки перегрыз, сабли повыщербил, палицы дугой согнул.

Вылез горностай из подвала, обернулся серым волком, побежал на царские конюшни — всех турецких коней загрыз, задушил.

Выбрался Вольга из царского двора, обернулся ясным соколом, полетел в чистое поле к своей дружине, разбудил богатырей:

— Эй, дружина моя храбрая, не время теперь спать, пора вставать! Собирайтесь в поход к Золотой Орде, к Салтану Бекетовичу!

Подошли они к Золотой Орде, а кругом Орды — стена каменная, высокая. Ворота в стене железные, крюки-засовы медные, у ворот караулы бессонные — не перелететь, не перейти, ворот не выломать.

Запечалились богатыри, задумались: «Как одолеть стену высокую, ворота железные?»

Молодой Вольга догадался: обернулся малой мошкой, всех молодцов обернул мурашками, и пролезли мурашки под воротами. А на той стороне стали воинами.

Ударили они на Салтанову силу, словно гром с небес. А у турецкого войска сабли затуплены, мечи повыщерблены. Тут турецкое войско на убёг пошло.

Прошли русские богатыри по Золотой Орде, всю Салтанову силу кончили.

Сам Салтан Бекетович в свой дворец убежал, железные двери закрыл, медные засовы задвинул.

Как ударил в дверь ногой Вольга, все запоры-болты вылетели, железные двери лопнули.

Зашел в горницу Вольга, ухватил Салтана за руки:

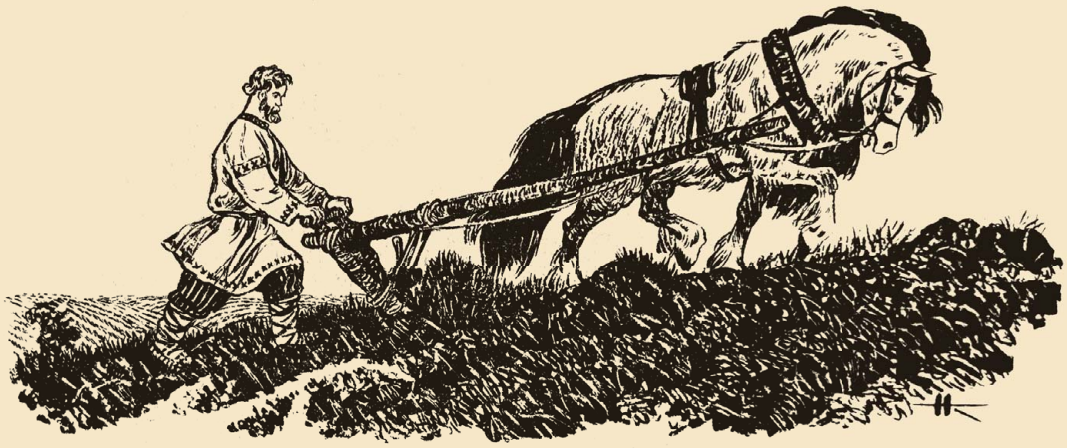
— Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не жечь, не палить русские города, не сидеть князем в Киеве.

Ударил его Вольга о каменный пол и расшиб Салтана до смерти.

— Не хвались, Орда, своей силой, не иди войной на Русь-матушку!

Микула Селянинович

Ранним утром, ранним солнышком собрался Вольга брать дани-по́дати с городов торговых Гурчевца да Ореховца.

Села дружина на добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь, посвистывает, ле́мехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведет.

Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать.

Едут молодцы другой день до вечера, так же всё пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет.

Третий день идет к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладет как рвы глубокие, из земли дубы вывертывает, камни-валу-

ны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шелком по плечам рассыпаются.

А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него кленовая, гужи шелковые. Подивился на него Вольга, поклонился учтиво:

— Здравствуй, добрый человек, в поле трудничек!

— Здоров будь, Вольга Всеславьевич! Куда путь держишь?

— Еду в города Гурчевец да Ореховец — собирать с торговых людей дани-по́дати.

— Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут всё разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился. Окружили меня люди торговые, стали брать с меня подорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелковою плеткою. Ну, который стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит.

Удивился Вольга, поклонился пахарю:

— Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища.

— Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать — других мужиков не обижать.

Снял пахарь с сохи гужи шелко́вые, распряг кобылку серую, сел на нее верхом и в путь отправился.

Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу:

— Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцов-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с нее вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст.

Послал Вольга трех дружинников.

Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять.

Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места содрать.

Тут поехал Вольга со всей дружиной. Тридцать человек без единого облепили сошку со всех сторон, понатужились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули.

Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой, из земли ее выдернул, из лемешков землю вытряхнул, подхватил, да и махнул за ракитовый куст. Полетела соха до облака, упала соха за ракито-

вый куст, в сырую землю по рукоятки ушла. Дело сделали и поехали богатыри дальше путем-дорогою.

Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые: как увидели пахаря, подсекли бревна дубовые на мосту через речку Ореховец.

Чуть взошла дружина на мост, подломились бревна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно идти.

Рассердились Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих

добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок, да и начали злодеев чествовать.

Пахарь плетью бьет, приговаривает:

— Эх вы, жадные люди торговые! Мужики города́ хлебом кормят, медом поят, а вы соли им жалеете!

Вольга палицей жалует за дружинников, за богатырских коней.

Стали люди гурчевецкие каяться:

— Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-по́дати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует.

Взял Вольга с них дани-по́дати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой.

Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич:

— Ты скажи мне, русский богатырь, как зовуг тебя, величают по отчеству?

— Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мои крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют.

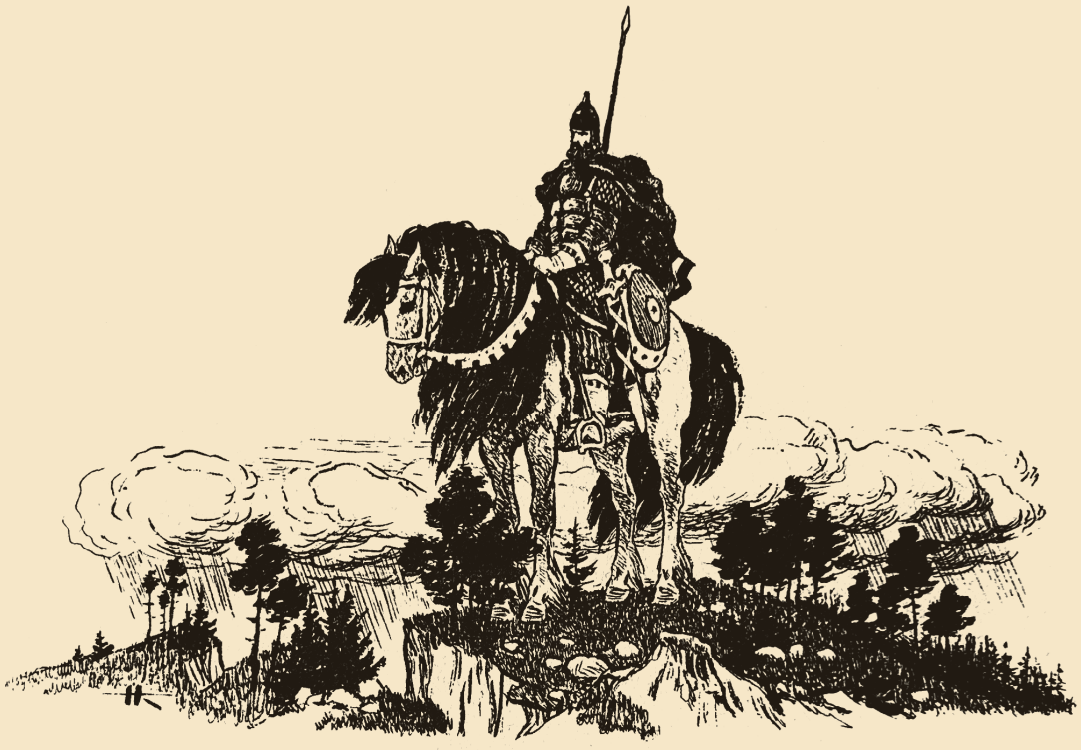
Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном...

Еще заря горит, а у пахаря поле колосом шумит.

Темная ночь идет — пахарь хлеб жнет. Утром вымолотил, к полудню вывеял, к обеду муки намолол, пироги завел. К вечеру созвал народ на почестен пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать:

— Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

Святогор-богатырь

Высоки на Руси Святые горы, глубоки их ущелья, страшны пропасти. Не растет там ни березка, ни дуб, ни сосна, ни зеленая трава. Там и волк не пробежит, орел не пролетит, — муравью и тому поживиться на голых скалах нечем.

Только богатырь Святогор разъезжает между утесов на своем могучем коне. Через пропасти конь перескакивает, через ущелья перепрыгивает, с горы на гору переступает.

Ездит старый по Святым горам.
Тут колеблется мать сыра земля,
Тут шатаются темны лесушки,
Выливаются быстры реченьки.

Ростом богатырь Святогор выше темного леса, головой облака подпирает, скачет по горам — горы под ним шатаются, в реку заедет —

вся вода из реки выплеснется. Ездит он сутки, другие, третьи, — остановится, раскинет шатер — ляжет, выспится, и снова по горам его конь бредет.

Скучно Святогору-богатырю, тоскливо старому: в горах не с кем слова перемолвить, не с кем силой помериться.

Поехать бы ему на Русь, погулять бы с другими богатырями, побиться с врагами, растрясти бы силу, да вот беда: не держит его земля, только каменные утесы святогорские под его тяжестью не рушатся, не падают, только их хребты не трещат под копытами его коня богатырского.

Тяжко Святогору от своей силы, носит он ее как трудное бремя. Рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справить, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмется — всё в крошки рассыплется, в блин расплющится.

Стал бы он леса́ корчевать, да для него леса́ — что луговая трава. Стал бы он горы ворочать, да это никому не надобно...

Так и ездит он один по Святым горам, голову от тоски ниже гнет...

— Эх, найти бы мне земную тягу, я бы в небо кольцо вбил, привязал к кольцу цепь железную; притянул бы небо к земле, повернул бы землю краем вверх, небо с землей смешал, — поистратил бы немного силушки!

Да где ее — тягу — найти!

Едет раз Святогор по долине между утесов, и вдруг — впереди живой человек идет!

Идет невзрачный мужичок, лаптями притоптывает, на плече несет перемётную суму́.

Обрадовался Святогор: будет с кем словом перемолвиться, — стал мужичка догонять.

Тот идет себе, не спешит, а Святогоров конь во всю силу скачет, да догнать мужика не может. Идет мужичок, не торопится, сумочку с плеча на плечо перебрасывает. Скачет Святогор во всю прыть — всё прохожий впереди! Едет шагом — всё не догнать!

Закричал ему Святогор:

— Эй, прохожий молодец, подожди меня!

Остановился мужичок, сложил свою сумочку наземь.

Подскакал Святогор, поздоровался и спрашивает:

— Что это у тебя за ноша в этой сумочке?

— А ты возьми мою сумочку, перекинь через плечо да и пробеги с ней по полю.

Рассмеялся Святогор так, что горы затряслись; хотел сумочку плеткой поддеть, а сумочка не сдвинулась, стал копьем толкать — не шелохнется, пробовал пальцем поднять —не поднимается...

Слез Святогор с коня, взял правой рукой сумочку — на волос не сдвинул.

Ухватил богатырь сумочку двумя руками, рванул изо всей силы — только до колен поднял. Глядь — а сам по колено в землю ушел, по лицу не пот, а кровь течет, сердце замерло...

Бросил Святогор сумочку, на землю упал, — по горам-долам гул пошел.

Еле отдышался богатырь:

— Ты скажи мне, что у тебя в сумочке положено? Скажи, научи, я о таком чуде не слыхал. Сила у меня непомерная, а я такой песчинки поднять не могу!

— Почему не сказать — скажу: в моей маленькой сумочке вся тяга земная лежит.

Опустил Святогор голову:

— Вот что значит тяга земная. А кто ты сам и как зовут тебя, прохожий человек?

— Зовут меня Микула Селянинович.

— Вижу я, не простой ты человек. Может, ты мне про судьбу мою расскажешь? Тяжко мне одному по горам скакать, не могу я больше так на свете жить.

— Поезжай, богатырь, до Северных гор. У тех гор стоит железная кузница. В той кузнице кузнец всем судьбу кует, у него и про свою судьбу узнаешь.

Вскинул Микула Селянинович сумочку на плечо и зашагал прочь.

А Святогор на коня вскочил и поскакал к Северным горам.

Ехал-ехал Святогор три дня, три ночи, трое суток спать не ложился — доехал до Северных гор. Тут утесы еще голей, пропасти еще черней, реки глубокие бурливее...

Под самым облаком, на голой скале увидал Святогор железную кузницу. В кузнице яркий огонь горит, из кузницы черный дым валит, звон-стук по всей округе идет.

Зашел Святогор в кузницу и видит: стоит у наковальни седой старичок, одной рукой мехи раздувает, другой — молотом по наковальне бьет, а на наковальне-то не видно ничего...

— Кузнец, кузнец, что ты, батюшка, куешь?

— Подойди поближе, наклонись пониже!

Нагнулся Святогор, поглядел и удивился: кует кузнец два тонких волоса.

— Что это у тебя, кузнец?

— Вот два волоса скую, волос с волосом совью — два человека и женятся.

— А на ком мне жениться судьба велит?

— Твоя невеста на краю гор в ветхой избушке живет.

Поехал Святогор на край гор, нашел ветхую избушку. Вошел в нее богатырь, положил на стол сумку с золотом. Огляделся Святогор и видит: лежит недвижно на лавке девушка, вся корой и струпьями покрыта, глаз не открывает.

Жаль ее стало Святогору. Что так лежит и мучается? И смерть не идет, и жизни нету. Выхватил Святогор свой острый меч, отвернулся и ударил девушку мечом в грудь. Не шевельнулась она, не охнула...

Святогор выскочил из избушки, на коня сел и поскакал к Святым горам.

А девушка тем временем глаза открыла и видит: лежит на полу богатырский меч, на столе мешок золота, а с нее вся кора свалилась, и тело у нее чистое, и силы у нее прибыли.

Встала она, прошлась по горенке, вышла за порог, нагнулась над озерком и ахнула: смотрит на нее из озера девица-красавица — и статна, и бела, и румяна, и очи ясные, и косы русые!

Взяла она золото, что на столе лежало, построила корабли, нагрузила товарами и пустилась по синему морю торговать, счастье искать.

Куда бы ни приехала, — весь народ бежит товары покупать, на красавицу любоваться. Слава о ней по всей Руси идет.

Вот доехала она до Святых гор, слух о ней и до Святогора дошел. Захотелось ему тоже на красавицу поглядеть. Взглянул он на нее, и полюбилась ему девушка.

— Вот это невеста по мне, за эту я посватаюсь!

Полюбился и Святогор девушке.

Поженились они, и стала жена Святогору про свою прежнюю жизнь рассказывать, как она тридцать лет лежала, корой покрытая, как вылечилась, как деньги на столе нашла.

Удивился Святогор, да ничего жене не сказал.

Бросила девушка торговать, по морям плавать, стала жить со Святогором на Святых горах.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын. Звали его Алеша, прозывали по отцу Поповичем.

Алеша Попович грамоте не учился, за книги не садился, а учился с малых лет копьем владеть, из лука стрелять, богатырских коней укрощать. Силой Алеша не большой богатырь, зато дерзостью да хитростью взял. Вот подрос Алеша Попович до шестнадцати лет, и скучно ему стало в отцовском доме.

Стал он просить отца отпустить его в чистое поле, в широкое раздолье, по Руси-матушке поездить, до синего моря добраться, в лесах поохотиться. Отпустил его отец, дал ему коня богатырского, саблю, копье острое да лук со стрелами. Стал Алеша коня седлать, стал приговаривать:

— Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мертвым, ни раненым серым волкам на растерзание, черным воронам на расклевание, врагам на поругание! Где б мы ни были, домой привези!

Обрядил он своего коня по-княжески. Седло черкасское, подпруга шелко́вая, узда золоченая.

Позвал Алеша с собой любимого друга Екима Ивановича и поутру в субботу из дому выехал искать себе богатырской славы.

Вот едут верные друзья плечо в плечо, стремя в стремя, по сторонам поглядывают. Никого в степи не видно — ни богатыря, с кем бы силой помериться, ни зверя, чтоб поохотиться. Раскинулась под солнцем русская степь без конца, без края, и шороха в ней не слыхать, в небе птицы не видать. Вдруг видит Алеша — лежит на кургане камень, а на камне что-то написано.

Говорит Алеша Екиму Ивановичу:

— Ну-ка, Екимушка, прочитай, что на камне написано. Ты хорошо грамотный, а я грамоте не обучен и читать не могу.

Соскочил Еким с коня, стал на камне надпись разбирать.

— Вот, Алешенька, что на камне написано: правая дорога ведет к Чернигову, левая дорога в Киев, к князю Владимиру, а прямо дорога — к синему морю, к тихим заводям.

— Куда же нам, Еким, путь держать?

— К синему морю ехать далеко, к Чернигову ехать незачем: там калачницы хорошие. Съешь один калач — другой захочется, съешь другой — на перину завалишься, не сыскать нам там богатырской славы. А поедем мы к князю Владимиру, может, он нас в свою дружину возьмет.

— Ну, так завернем, Еким, на левый путь.

Завернули молодцы коней и поехали по дороге к Киеву.

Доехали они до берега Сафат-реки, поставили белый шатер. Алеша с коня соскочил, в шатер вошел, лег на зеленую траву и заснул крепким сном. А Еким коней расседлал, напоил, прогулял, стреножил и в луга пустил, только тогда отдыхать пошел.

Утром-светом проснулся Алеша, росой умылся, белым полотенцем вытерся, стал кудри расчесывать.

А Еким вскочил, за конями сходил, попоил их, овсом покормил, заседлал и своего и Алешиного.

Снова молодцы в путь пустились.

Едут-едут, вдруг видят — среди степи идет старичок. Нищий странник — кали́ка перехожая. На нем лапти из семи шелков сплетенные, на нем шуба соболиная, шапка греческая, а в руках дубинка дорожная.

Увидал он молодцов, загородил им путь:

— Ой вы, молодцы удалые, вы не ездите за Сафат-реку. Стал там станом злой враг Тугарин, Змея сын. Вышиной он как высокий дуб, меж плечами косая сажень, между глаз можно стрелу положить. У него крылатый конь — как лютый зверь: из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Не езжайте туда, молодцы!

Екимушка на Алешу поглядывает, а Алеша распалился, разгневался:

— Чтобы я да всякой нечисти дорогу уступил! Не могу я его взять силой, возьму хитростью. Братец мой, дорожный странничек, дай ты мне на время твое платье, возьми мои богатырские доспехи, помоги мне с Тугарином справиться.

— Ладно, бери, да смотри, чтобы беды не было: он тебя в один глоток проглотить может.

— Ничего, как-нибудь справимся!

Надел Алеша цветное платье и пошел пешком к Сафат-реке. Идет, на дубинку опирается, прихрамывает...

Увидел его Тугарин Змеевич, закричал так, что дрогнула земля, согнулись высокие дубы, воды из реки выплеснулись. Алеша еле жив стоит, ноги у него подкашиваются.

— Гей, — кричит Тугарин, — гей, странничек, не видал ли ты Алешу Поповича? Мне бы хотелось его найти, да копьем поколоть, да огнем пожечь.

А Алеша шляпу греческую на лицо натянул, закряхтел, застонал и отвечает стариковским голосом:

— Ох-ох-ох, не гневись на меня, Тугарин Змеевич! Я от старости оглох, ничего не слышу, что ты мне приказываешь. Подъезжай ко мне поближе, к убогому.

Подъехал Тугарин к Алеше, наклонился с седла, хотел ему в ухо гаркнуть, а Алеша ловок, увертлив был: как хватит его дубинкой между глаз, так Тугарин без памяти на землю пал.

Снял с него Алеша дорогое платье, самоцветами расшитое, не дешевое платье, ценой в сто тысяч, на себя надел. Самого Тугарина к седлу приторочил и поехал обратно к своим друзьям.

А так Еким Иванович сам не свой, рвется Алеше помочь, да нельзя в богатырское дело вмешиваться, Алешиной славе мешать.

Вдруг видит Еким — скачет конь что лютый зверь, на нем в дорогом платье Тугарин сидит.

Разгневался Еким, бросил наотмашь свою палицу в тридцать пудов прямо в грудь Алеше Поповичу. Свалился Алеша замертво.

А Еким кинжал вытащил, бросился к упавшему, хочет добить Тугарина... И вдруг видит — перед ним Алеша лежит...

Грянулся наземь Еким Иванович, горько расплакался:

— Убил я, убил своего брата названого, дорогого Алешу Поповича!

Стали они с каликой Алешу трясти, качать, влили ему в рот питья заморского, растирали травами лечебными. Открыл глаза Алеша, встал на ноги, на ногах стоит-шатается. Еким Иванович от радости сам не свой. Снял он с Алеши платье Тугарина, одел его в богатырские доспехи, отдал калике его добро. Посадил Алешу на коня, сам рядом пошел: Алешу поддерживает.

Только у самого Киева Алеша в силу вошел.

Подъехали они к Киеву в воскресенье, к обеденной поре. Заехали на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и вошли в горницу.

Князь Владимир их ласково встречает.

— Здравствуйте, гости милые, вы откуда ко мне приехали? Как зовут вас по имени, величают по отчеству?

— Я из города Ростова, сын соборного попа Леонтия. А зовут меня Алешей Поповичем. Ехали мы чистой степью, повстречали Тугарина Змеевича, он теперь у меня в тороках висит.

Обрадовался Владимир-князь:

— Ну и богатырь ты, Алешенька! Куда хочешь за стол садись: хочешь рядом со мной, хочешь против меня, хочешь рядом с княгинею.

Алеша Попович не раздумывал, сел он рядом с княгинею. А Еким Иванович у печки стал.

Крикнул князь Владимир прислужников:

— Развяжите Тугарина Змеевича, принесите сюда в горницу!

Только Алеша взялся за хлеб, за соль — растворились двери горницы, внесли двенадцать конюхов на золотой доске Тугарина, посадили рядом с князем Владимиром.

Прибежали стольники, принесли жареных гусей, лебедей, принесли ковши меду сладкого.

А Тугарин неучтиво себя ведет, невежливо. Ухватил лебедушку и с костями съел, по ковриге целой за щеку запихивает. Сгреб пироги

сдобные да в рот побросал, за один дух десять ковшей меду в глотку льет. Не успели гости кусочка взять, а уже на столе только косточки.

Нахмурился Алеша Попович и говорит:

— У моего батюшки попа Леонтия была собака старая и жадная. Ухватила она большую кость да и подавилась. Я ее за хвост схватил, под гору метнул — то же будет от меня Тугарину.

Потемнел Тугарин, как осенняя ночь, выхватил острый кинжал и метнул его в Алешу Поповича.